

ком ремесленников. Но позитивной программы не было. Да и не могло быть. Она имманентно содержалась все в той же... алхимии; никому не видимая и никем не ведомая программа⁵¹.

Тэхнэ как искусство в пору Ренессанса подняло себя с самой низкой ступеньки иерархической лестницы искусств и наук, перестав быть подражающим природе ремеслом, утверждая себя в новом статусе: в сотворении новых, несуществующих в природе вещей. Впрочем, алхимик давно уже был таким (точнее — мог быть принят за такового): изобретателем-творцом, скульптором и живописцем, фантазером и архитектором не существующего в природе философского камня. Образ — не образец. Творить внеприродное, считаясь с законами природы! Демиург. Художник. «Другой бог» (Леон-Баттиста Альберти). Считаюсь с законами природы... На этом пути *тэхнэ* сближается с наукой. Алхимия — историческое свидетельство этого дилетантского соития — *тэхнэ* и *науки*. Человек Ренессанса — не алхимик. Но возник он в результате взаимодействия (в том числе) алхимической карикатуры и объекта этой карикатуры, укорененного в культуре официального средневековья.

Однако тип алхимического почти научного обобщения осуществлял себя в ином образе. Он был единственной в своем роде вещью — единичным существом-веществом, живущим здесь и теперь, как у художников. Но не совсем: сквозь алхимическое индивидуальное вещество просвечивалось объясняющее обобщение и частного, и вселенского свойства. Амбивалентное сочетание общего и единичного в алхимии, квазинаучного и артистического препятствовало узаконению застывших форм, жестких канонов⁵². А видение индивидуального вещества — явление принципиально химическое, художнически освещающее и нынешнюю химию (синтез в органической химии как художественная композиция).

Числовая магия в алхимии не есть ни математизация ее, ни стехиометрия. Эта мера метафизического миропорядка, хотя и подготавливаю-

⁵¹ Алхимические фантазии раздвигали горизонты видения, обосновывали бесконечные возможности познания. Легковерность — утрата критериев возможного, зато подготовка нравственной презумпции науки нового времени — о вселили новой науки. (Если, конечно, оторвать алхимически перекошенное изображение-карикатуру от пристойного лика природоведа канонического средневековья.) Алхимия — плодотворнейшее поле несбыточного и невообразимого. Парацельс: «То, что считают невозможным, непонятным, невероятным, или вообще невообразимым, станет поражающе верным» (с. 12). «Восхождение к причинам» — алхимическим началам — псевдокаузально. Зато именно оно вело — и привело! — к элементу-частице. Натуралистическое правдоподобие неправдоподобного питало сенсуалистический ум человека Возрождения, но отбивало охоту наблюдать. Алхимик поверхностно, но наблюдает. Это сравнительное — не прямое! — наблюдение. Вот почему вещество описывается приблизительно, зато включается в алхимическую картину мира, что обещает раскрытие сущности этого вещества как части мироздания. Аналогизирование — это также и средство мнимого объяснения. В алхимии оно скорее эвристично, нежели мнимо объяснительно. Алхимик остро чувствует не только тождество в аналогии, но и различия, как бы превосходящая ум грядущего Леонардо.

⁵² Что, впрочем, не мешало догматическому устройению герметических сообществ.